

Белюсова Наталья Олеговна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры философии и права
Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ)
имени М.И. Платова

ФЕМИНИЗМ ПРОТИВ ВСЕОБЩНОСТИ

Аннотация:

В статье речь идет о многообразии идей и позиций, складывающихся в феминизме. Утверждается, что связующей формой феминистической теории, развивающейся со второй половины XX в. и до сегодняшнего дня, становится критика всеобщности. С точки зрения теоретиков феминизма, всеобщее отождествляется культурой с маскулинностью: идеями, выдвигаемыми мужчинами, характером их восприятия мира и деятельности. Критика универсального статуса мужского субъекта в патриархальной, андро- и фаллоцентричной культуре развивается сначала в сторону утверждения «особости» не только женщин, но и мужчин, следовательно, неуниверсальности последних, и далее, вплоть до обоснования необходимости признавать принципиальные и индивидуальные различия самих женщин.

Ключевые слова:

феминизм, критика всеобщности, мужчина, женщина, андроцентризм, патриархальная культура, фалло-логоцентризм.

Belousova Natalya Olegovna

PhD in Social Science,
Assistant Professor,
Philosophy and Law Department,
South Russian State Polytechnic University

FEMINISM AGAINST UNIVERSALITY

Summary:

The article deals with the diversity of ideas and positions emerging in feminism. It is argued that a common form of feminism theory, developing since the second half of the twentieth century and until present, is the criticism of universality. According to the theorists of feminism, the culture identifies universal with masculinity: ideas put forward by men, the nature of their perception of the world and activities. Criticism of the universal status of the male subject in the patriarchal, andro- and phallogocentric culture proceeds at first towards assertion of "uniqueness" of not only women, but also men, therefore, non-universality of the latter, and further until the justification of the need to recognize principle and individual differences of women themselves.

Keywords:

feminism, criticism of universality, man, woman, androcentrism, patriarchal culture, phallogocentrism.

Либеральный феминизм, развивавшийся в эпоху становления индустриального общества, вовсе не восставал против идеи всеобщности, более того, вполне поддерживал ее. Этот тип феминизма достаточно быстро приобрел политический характер, стал движением, ориентированным на достижение идеала всеобщности прав на образование и участие в политической жизни, которые должны принадлежать равно как мужчинам, так и женщинам. К этим идеалам добавились новые ориентиры в виде отсутствия половой дискриминации при устройстве на работу, равного для женщин и мужчин доступа на любые этажи власти, равной с мужчинами оплаты за одинаковые количество и качество труда. Все эти требования и в особенности постепенное их удовлетворение разрушали сложившиеся многовековые традиции взаимоотношений мужчин и женщин, что делало идеи феминизма для многих неприемлемыми. Но они вполне соответствовали внутренним запросам индустриальной цивилизации с ее либерально-демократическими установками и, главное, потребностям развивающегося производства в рабочих руках и квалифицированном труде. Поэтому феминизм был поддержан не только женщинами, но также мощными политическим и экономическими структурами жизнедеятельности капиталистического общества.

Однако преобразование индустриальной цивилизации в постиндустриальную сопровождается значительными изменениями во всех сферах жизни не только в развитых обществах, но и в целом мире, становящемся все более крепко связанным узам глобализации. Все эти процессы меняют как положение, так и образ женщины, ее взгляд на саму себя, ее претензии, амбиции, представления о том, как должны выстраиваться отношения между полами. Возникают новые виды феминизма. Политически ангажированный либеральный феминизм дополняется и преобразуется феминистической теорией, которую многие называют радикальным феминизмом, а начиная с 70-х гг. XX в. – постструктуралистским феминизмом вследствие ориентации многих представительниц «женской» теории на идеи и концептуальные проработки Ж. Деррида и Ж. Делёза.

Связующей формой феминистической теории, развивающейся со второй половины XX в. и до сегодняшнего дня, становится критика всеобщности.

Большую роль в усилении этой критики начинают играть факторы эпистемологического и философско-методологического характера. Они в значительной мере связаны с актуализацией

понятия «андроцентризм», ранее уже вошедшего в смысловые контексты феминистского мышления, с расширением содержания понятия «патриархальная культура» и проработкой концепта фаллоцентризма, пришедшего в феминистическую теорию из лакановского психоанализа и постструктурализма.

Сам по себе термин «андроцентризм» (от греч. «андрос» – «мужчина») появился еще в начале XX в. в названии книги Ш.П. Гилман «Мир, сделанный мужчинами, или Наша андроцентричная культура». В книге говорилось, что в культуре скрыто присутствует уверенность в том, что человеческий тип воплощен именно в мужчине, а женщина есть существо, призванное быть «около» него. Эту мысль, которая, в принципе, констатирует размещение культурой женщины в стороне от всеобщего первоначала, развивала также С. де Бовуар.

В 70-х гг. XX в. понятие андроцентризма становится одним из основополагающих в феминизме. Оно рассматривается под углом отображения типа отношения к мужскому опыту в качестве нормы для культуры или даже для человечества в целом. Женский опыт оценивается при этом как отклонение от универсального стандарта. Утверждается, что для андроцентризма характерны пренебрежение вкладом женщин в культуру, стремление выдать мужские жизненные представления за универсальные, придать мужской норме статус объективности [1, с. 2–4]. Именно подобного рода утверждения и стремления играют конституирующую роль в формировании критики всеобщности внутри феминистического движения. Всеобщее, по мнению его представительниц, отождествляется культурой с маскулинностью: идеями, движущими мужчинами, характером их восприятия мира и деятельности. В мире, центрированном мужчиной, женщине уделяется место только на периферии. Такой мир должен быть изменен, считают феминистки. Проблема заключается в том, как это сделать.

В унисон с движением смыслов, концептуализирующих понятие андроцентризма, развивается концепт патриархальной культуры, который был намечен К. Миллет, далее развернут А. Рич и другими феминистками. Под влиянием этого концепта формируется особый тип мысли, часто называемый радикальным феминизмом. Для него характерна уверенность, что идеи и ценности мужского сознания с его логичностью и рациональностью пропитывают всю культуру, на их базе создаются социальные институты насилия по отношению к женщине. На этой концептуальной основе осуществляется анализ языка, институтов материнства, духовной сферы общества.

В целом в ходе осмысления феноменов андроцентризма и патриархальной культуры формируется очень важная для феминизма антиномия, складывающаяся из взаимоотрицаемых тезисов: 1) между мужчинами и женщинами нет различий, они одинаковы с точки зрения интеллекта, эмоционального мира и способности выполнять социальные роли; 2) мужчины и женщины различны. На основе этих тезисов формируются, как пишет С.Л. Бем, две очень важные в плане изменения социально-политической ситуации стратегии: одна – гендерной нейтральности, вторая – защиты женщин. Однако в силу того, что общество пропитано андроцентризмом, эти стратегии постепенно теряют свой взаимоисключающий характер. Ведь хотя и декларируется, что женщины равны с мужчинами в формально определяемых условиях выбора, они делают этот выбор в соответствии со своими специфическими возможностями «в андроцентричном социальном мире, который не обеспечивает достаточного количества институциональных механизмов координирования между сферами оплачиваемого труда и обязанностей, связанных с родительством... Кроме того, почти гарантировано, что в большинстве случаев успех женщины на рынке труда сопряжен с огромными эмоциональными затратами» [2, с. 259].

Таким образом, вопрос о сходстве и различии отпадает, считает С.Л. Бем. Сейчас главным является уяснение того, не превращаются ли андроцентристскими институциями различия мужских и женских социальных ролей в совокупность экономических и политических потерь для всей социальной группы женщин. Профессор приходит к парадоксальному выводу о необходимости устранения самих установок на гендерную полярность, что позволило бы и женщинам, и мужчинам осваивать роли друг друга.

К тому же феминистки начинают обращать внимание на то, что само женское «сообщество» далеко не однородно. Необходимо решать социальные проблемы, связанные с ущемлением прав цветных женщин, жительниц определенных локальных областей, представительниц сексуальных меньшинств. Большое значение имеют и различия индивидуально-личностного характера. Женщины должны сосредоточиться не на борьбе с мужчинами, а на самих себе – именно в этом направлении постепенно начинает меняться стратегия феминистического движения, а затем разворачиваться в полном объеме своих изменений в последние десятилетия XX в.

В феминизме оформляется тенденция не противопоставлять мужчин и женщин, усматривая между ними сходства или отличия, но обратить взгляды на саму женщину. Начинают ставиться вопросы о том, чем она является, существует ли женская субъектность и субъективность, каково понятие женщины, может ли оно быть эксплицировано, каковы женский опыт, язык,

письмо, картина мира, сексуальность. К решению этого массива вопросов женская теория пытается прийти, опираясь на понятие «фаллоцентризм».

Впервые термин «фаллоцентризм» используется Э. Джонсом – учеником и первым биографом З. Фрейда, писавшим о чрезмерной роли фаллической символики у знаменитого психиатра. Но эта символика приобретает большое значение и у Ж. Лакана. У французского психоаналитика фаллос центрирует на себе все пространство символов патриархального общества. Эта фигура воплощает для него идею и образ целостности, гармоничного слияния, любого порядка, в котором каждый пол позиционируется именно в отношении к ней. Он считает, что фаллос определяет истоки языка, является «первым сигнификантом» [3, с. 267–269]. Ж. Деррида подвергает критике лакановский фалло-логоцентризм, а феминизм поддерживает эту критику и усиливает ее.

Многие феминистки обвиняют Ж. Лакана в утверждении идеи неизбежности фалло-логоцентризма, однако признают необходимость обращения к бессознательному в целях более глубокого постижения женского типа восприятия мира и самих себя. Там они вместо мужской «всеобщности» находят в мужчинах и женщинах «особость». Так, Н. Чодороу (в литературе на русском языке ее фамилия иногда переводится как «Ходоров», «Ходорова» или «Ходороу») полагает, что мать бессознательно относится к сыну как к своей противоположности, поэтому у мужчины ярко выражена склонность к индивидуализации, защите границ своего «эго», конфликтности, установлению четких параметров и правил деятельности. Девочка/женщина менее индивидуализирована, потому что, во-первых, изначально ориентирована на материнский образ, во-вторых, готовится привлечь мужчину, из-за чего держит свою идентичность в неопределенности. Зато в женщине формируется способность к эмпатии, поддержанию сложившихся отношений. Ее интересуют не правила как абстракции, а реальные связи [4, с. 29–76].

Представители феминистической теории, конечно же, не могут принять лакановскую идею фаллической центрации культуры. Однако при этом понятие фаллоцентризма вошло среди них в широкое употребление.

Развивая теоретические экспликации французских мыслителей, феминистки устанавливают отношение тождества между логосом и фаллосом. Они утверждают, что в культуре, несущей в себе признаки фалло-логоцентризма, именно мужской подход к освоению мира связывается с активностью понятийного разума, фиксирующего дихотомию бинарных оппозиций, одна сторона которых всегда довлеет над другой. В таком мышлении женщина помещается на сторону, оппозиционную и подчиненную той, что соотносится с мужчиной. Дихотомия «культура – природа» конкретизируется через оппозиции «мужское – женское», «рациональность – чувственность», «логичность – алогизм», «сознательное – бессознательное», «центральность – маргинальность» и далее («высшее – низшее», «активность – пассивность» и т. п.). Как считают представители феминистической теории, женская субъективность, помещенная в этот контекст культурных бинарностей, конструируется из смыслов второй, подчиненной стороны оппозиций, – так, как, собственно, надо мужчинам.

Вслед за Ж. Деррида, не принимающим зависимость подчиненных сторон культуры от «главенствующих» [5], феминистки «постструктуралистского» толка (в лице прежде всего Л. Иригарей, Ю. Кристевой, Э. Сиксу, Р. Брайдотти и др.) руководствуются стремлением разорвать связи между сторонами культурных оппозиций, перевернуть традиционные иерархии, разрушить гендерные стереотипы мысли. Эти установки реализуются подчас в радикальных формах критики науки и рациональности за мужской взгляд на мир. В таких утверждениях уже начинают преодолеваются границы между теорией и мифологией [6, с. 263–264].

Они противопоставляют идеи различия и переопределяемой идентичности женщин традиционному для феминизма поиску условий утверждения эгалитарной рациональности, всеобщности, целостности, упорядоченного строя ясных, четко фиксированных отношений и понятий. Так, рассматривая женский литературный критицизм в качестве системы идей, типичной для этой волны феминизма 70-х и более поздних годов, И. Жеребкина пишет, что эти теоретики «выступают против традиционных/мужских ценностей интеллектуальной культуры, сконструировавших женский опыт бытия вторичным, несущественным, а значит, подавляемым и болезненным в традиционной культуре, – в частности против традиционного функционирования языка, который конституирован такими классическими философскими понятиями, как “сознание”, “субъективность”, “порядок”, “общество»» [7, с. 135].

Итак, мы видим, что в ходе достаточно насыщенной идеями истории развития феминистической теории складывается широкий спектр отношений феминисток к концепту всеобщности. Под влиянием данного понятия осуществляется переосмысление места и роли мужчин и женщин в культуре. Критика универсального статуса мужского субъекта в патриархальной, андро- и фаллоцентричной культуре развивается в сторону утверждения «особости» не только женщин,

но и мужчин, следовательно, неуниверсальности последних, и далее, вплоть до обоснования необходимости признавать как принципиальные, так и тонкие различия среди самих женщин.

Конечно, надо подчеркнуть, что феминизм выполняет огромную работу по утверждению достойного положения женщины в обществе. Однако критика всеобщего в феминизме часто приобретает крайне радикальный и, пожалуй, экстремистский характер – когда феминистки начинают отрицать всю культуру, во всех ее фрагментах, вплоть до прекрасных литературных произведений, как явление, построенное на насилии мужчины по отношению к женщине. Рациональные и обоснованные суждения аналитиков вдруг уступают место мистическим трактовкам женской природы, нарушаются границы между теорией и мифотворчеством. Боевой настрой, экзальтированное и не всегда оправданное перечеркивание тех ценностей, на основе которых строились отношения между мужчинами и женщинами в традиционной («патриархальной») культуре, побуждают все же поискать в этих ценностях актуальное и сегодня содержание.

В создании новой картины мира, оставляющей в прошлом образы мужчины как субъекта и женщины как объекта, большую роль играет постструктуралистский феминизм. Однако в осуществляемой им критике всеобщности отрицание все же доминирует над утверждением, а создание образа женщины в значительной мере подчиняется логике инверсии: негативная оценка женской противоречивости и неоднозначности (как явление фаллоцентричной культуры) меняется на позитивную, но прежний образ непостижимости каким был, таким же и остается. Оказывается слабо проработанным вопрос о том, на каких основаниях могут строиться новые отношения между мужчиной и женщиной за пределами утверждения различий и индивидуального Я каждого субъекта отношений, утверждения, на котором этот тип феминизма в чрезвычайной степени сосредоточен. Создается стойкое ощущение, что восприятие, сфокусированное только лишь на женских проблемах, может так же исказить образ мира, как и акцент только на мужской теме.

Ссылки:

1. Рабжаева М.В. Андроцентризм // Словарь гендерных терминов. М., 2002.
2. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.
3. Цит. по: Клиндер К. Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования. М., 2009.
4. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола (Часть III. Половая идентификация и воспроизводство материнства) // Антология гендерной теории. Минск, 2000.
5. Белоусова Н.О. Ж. Деррида: критика всеобщности как логоцентризма // Лосевские чтения : тр. междунар. ежегод. науч. конф. Новочеркасск, 2015. С. 78–85.
6. Например: Клиндер К. Указ. соч. С. 263–264.
7. Жеребкина И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М., 2000.

References:

1. Rabzhaeva, MV 2002, 'Androcentrism', *Dictionary of gender terms*, Moscow.
2. Bem, S 2004, *Gender Lens: Transformation of views on the problem of gender inequality*, Moscow.
3. Cit. by: Klinger, K 2009, 'Positions and epistemological problems in women's studies', *Sex. Gender. Culture: German and Russian studies*, Moscow.
4. Chodorow, N 2000, 'Reproduction Maternity: psychoanalysis and sociology of gender (Part III. Gender identity and reproduction mothers)', *Anthology of Gender Theory*, Minsk.
5. BelousovA, NO 2015, 'J Derrida: a critique of the universality logocentrism', *Losev's readings: works of Annual Scientific Meeting*, Novocherkassk, p. 78-85.
6. For example: Klinger, K 2009, 'Positions and epistemological problems in women's studies', *Sex. Gender. Culture: German and Russian studies*, Moscow.
7. Zherebkina, I 2000, "Read my desire ...". *Postmodernism. Psychoanalysis. Feminism*, Moscow.